

лостях (текст 10 левой колонки) и упомянутые резные «маски» воинов на капителях собора. И в том и в другом до сих пор остается какая-то загадочность.

В тексте «Моления» от лица автора говорится: «Княже мой, господине! Коболязи бо и коврели, фрязи, лютери, нагистови, башгордид, ковари, офорозе, ратори, могистри, дуксове, боркошди, форозе — и те имеют честь и милость у поганых салтанов».¹⁹ Не будем касаться мнений тех исследователей, которые считали этот текст поздним привнесением в «Моление», так как ошибочность этих мнений давно доказана. Н. Н. Воронин привел интересные данные, дополняющие мысли А. И. Лященко²⁰ о связи цитированного текста с Галицко-Волынской Русью и далее с Венгрией. Дело в том, что владимиристо-суздальские князья и в первой трети XIII в. интересовались жизнью Галицко-Волынской Руси, даже поддерживали родственные связи с ее князьями.²¹ Через Галицко-Волынскую Русь, по мнению Н. Н. Воронина, в Переславль-Залесский и могло попасть неизвестное нам литературное сочинение, использованное автором «Моления».

В рассматриваемом тексте «Моления» обращено особое внимание на бесстрашие в проявлении рыцарской верности, за что рыцари («ратори») и удостаиваются «честь и милости». Любопытен перечень людей, заслуживающих королевских милостей. Могистри (магистры), ратори (рыцари) и дуксове (вожди, воеводы) не нуждаются в объяснении. Сложнее обстоит с остальными. По разысканиям А. И. Лященко, башгородид и ковари — это названия венгров; королязи — венгерские каролинги; фрязифорозе-офорозе — это всадники.²² Таким образом, перед нами разнообразный западноевропейский «вассалитет», ближайшее королевское окружение, своего рода королевская «гридьба». Мне думается, что сведения об этом «вассалитете» могли просочиться в «Моление» и внелитературным путем, через какого-либо галицко-волынского выходца при дворе князя Ярослава, в каких в то время не было недостатка (ср. текст 7 — «от инех стран притекающая к тебе»). На основании специального исследования сейчас можно утверждать, что галицко-волынского происхождения был и главный мастер скульптуры Георгиевского собора — Бакун.²³ Конечно, размещая по капителям Георгиевского собора изображения гридников, Бакун мог выполнять пожелание князя Святослава, который был удачливым военачальником и, вероятно, всячески жаловал при своем дворе «воев». Но не исключено, что, приняв участие в разработке программы скульптуры, Бакун сам подсказал князю эту идею, несомненно знакомую ему по западноевропейским образцам, т. е. из того же источника, откуда появились в «Молении» сведения о разных могистрах, раторях и форозях. Уже отмечалось, что облики «воев» не русские. Они ближе всего к тем степнякам, которые проникали и в русскую, и в венгерскую «дружину», заноса с собою свои моды. П. Голубовский отмечал, что венгерская знать под их влиянием стала «брить бороды и стричь во-

¹⁹ Н. Н. Зарубин. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам, стр. 70—71.

²⁰ А. И. Лященко. Из комментария к «Молению» Даниила Заточника. В кн.: Историко-литературный сборник, посвященный В. И. Срезневскому. Л., 1924, стр. 412—419.

²¹ Н. Н. Воронин. Зодчество Северо-Восточной Руси, т. II, стр. 125.

²² А. И. Лященко. Из комментария к «Молению» Даниила Заточника, стр. 412—419.

²³ Г. К. Вагнер. К вопросу о главном мастере Георгиевского собора. — Советская археология, М., 1966, № 3.